

МАКСИМ ЕРШОВ

СВОЕВРЕМЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

О романе Михаила Попова “На кресах восточных”

Сегодня, по многим примерам, современная русская литература не в силах обрезать пуповину исторического происхождения смыслов. XX век раз за разом оказывается тем вместилищем ужаса, где современные прозаики находят почву для работы. Почему дело во многом обстоит именно так? А потому, что в российском XXI веке ничего не происходит. Прекрасного – ничего. Из ужасного вспоминать ничего не стану: не принято это. В основном реальный ужас разложения нормальной социальности описывают молодые – как умеют, многие описывают хорошо. Но они пока ещё не пишут больших романов. Или материал для больших романов ещё не вызрел, не образовался, не проявился. Возможно, в XXI веке он не проявится никогда: для романа в качестве героя нужна личность, трудно и бессмысленно писать об индивиду, ещё трудней и ещё бессмысленней – о том двуногом объекте банковского менеджмента, которого чем далее, тем больше подразумевают под словом “индивид”.

Поэтому – трагический век Двадцатый. Конечно, Война, конечно, Революция. Конечно, ад на земле, в который вверх землян империализм как последняя (оказалось – предпоследняя) стадия восхождения царя Мамона на глобальный трон.

В этой глубокомысленной и далеко уводящей связи совсем не случаен выбор автором романа “На кресах восточных” места события – пограничья между Империей (последней христианской империей) и постхристианской Европой. Река Неман. Белорусские пуши. Линия разлома цивилизационных плит. Белорусский народ.

Незадолго до событий 2013–2014 годов в Украине Михаил Попов обратился к русскому миру романом “Москаль”, посвящённым, за рамками внешней его остротности, проблеме Украины, особенностям украинского самосознания, взаимоотношениям великорусского характера с малороссийским. И уже через пару лет по выходе “Москаля” вдруг выяснилось, что книга эта

ЕРШОВ Максим родился в 1977 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Окончил политехнический техникум, техник-механик автотранспорта. Учился в Литературном институте им. М. Горького по специальности “поэзия” (семинар Станислава Куняева). Поэт, критик, постоянный автор “Нашего современника”. Автор трёх книг стихотворений: “Флаги́ток” (2011), “Марафет” (2017), “Полдень” (2020). Лауреат ежегодной премии журнала “Наш современник” (2018). Член Союза писателей России.

актуальна. Скорее всего, на фоне затянувшегося пленения Украины антимо- скалями, книга Попова недостаточна. Но это теперь. Тогда, году в 2010–2012, она была, во всяком случае, своевременна.

Вот и к новому роману Попова, к его “На креслах восточных” приходится возвращаться на пару лет назад, когда наблюдаешь трудные итоги президент- ский выборов и попытку смены власти в Беларуси.

Интерес Попова к западным окраинам России (“восточные кресла” – это восточные окраины бывшей Речи Посполитой) вновь оказался своевремен- ным. И правда: мы здесь, в РФ, слишком мало знали и слишком мало инте- ресовались историей и самочувствием украинцев и белорусов. Поэтому ди- ванно недоумеваем, что с восточных кресел одна и та же общерусская история и проблематика выглядит, воспринимается и “дышит” совсем не так, как об этом говорилось в позднесоветских фильмах и учебниках. Аналитический и художественный интерес романиста вновь оказался актуальным, поскольку жизненность геополитических (исторических) амбиций современной России зависит от восточноевропейской политики, как ни от какой иной. Если мы не будем в Киеве и Бресте, мы по-настоящему не будем нигде. В этом главный и единственный смысл действий антимо-скалей в Беларуси. Понятно, что ан- тимоскальи – не русские (не украинские, не белорусские). Они – с той, за- падной стороны Немана и Днестра.

История белорусского народа – это тёмная летописная, “внеисторическая история” дреговичей и частично кривичей тысячу двести лет назад. После, тысячу лет назад, – история выделенного Ярославом Мудрым из состава сво- ей державы Полоцкого княжества-удела. Далее, от рубежа XIII–XIV веков – история княжества Литовского, соединённого королевства Польши и Литвы, далее – история под властью иноверной и, по сути, инородной Речи Поспо- литой. Имя “литвин” в применении к белорусским славянам явилось раньше, чем имя “белорус”.

Территория Беларуси – это лес, болото и суглинок, это земля, где можно жить, но очень трудно разбогатеть. Торговые пути обошли эти пущи стороной, торговые и ремесленные города заняли литовские, русские, польские, еврейские пришельцы. Нет ничего удивительного в том, что, в силу серьёзнейших экономических обстоя- тельств, культура и самосознание белорусского народа (хоть и мало затронутого Ор- дой) развивались с отставанием. Но, кроме того, ведь были и причины политичес- кие, имя которым – Польша, католичество. Не думаю, что окажется преувеличени- ем сказать, что для вельможного панства, для высокомерного католичества лесная Чёрная Русь (таково истинное историческое территориальное наименование Белару- си) была тем же, чем лесная мордва для киевских и ростовских князей и позже – для московских бояр.

Неудивительно поэтому, что в Литве возникшая, но угасающая, полони- зирующаяся или бегущая от дискриминации в Москву после церковной унии 1596 года народная интеллигенция как явление всебелорусского масштаба по- является вновь только к концу XIX – началу XX века. Является из учебных за- ведений Российской Империи, является из Петербурга, чтобы заговорить от имени рядового белоруса.

Один из главных героев романа – такой новый интеллигент Николай Ада- мович Норкевич. Вот как пишет Попов о задачах и обстоятельствах, которые тот видел и чувствовал:

“Нужно было независимой мыслью, как лобзиком, выпилить из много- слойного массива всей изученной наднеманской культуры очертания отдель- ного белорусского этнокультурного своеобразия. Ещё прежде него многие умы к тому обращались, даже придумали, как уйти от назойливо им вменяе- мой “мужицкости”, объявили свету, что имеется в виду литвинство.

Места эти были столь плотно пропитаны разными историческими соками, кровью и потом, песнями и фантазиями, всё время перемешивавшимися в последнюю тысячу лет, что задача Николая Адамовича выделась титаничес- кой. Поверх языческого Великого княжества литовского налегло прихотливо сшитое одеяло католическо-православных магнатств Речи Посполитой, пере- баламученное сапогами ратей Стефана Батория, Радзивиллов, Сапег, Кар- ла XII, Петра Великого, наполеоновских маршалов... Вплоть до последнего “делателя страшных дел” – Муравьёва”.

Нет, не последнего. Сюжет романа “стартует” в 1908-м, у подножия Далибукской пущи, в затерянном в пространстве и времени белорусском уголке Империи, где селения и хутора, где до города – даль, а православная церквушка прячется – до сих пор! – в тени шляхетского костёла. Есть совпадение и связь между нежеланием Империи последовательно поддерживать православных (значит, русских) против организованных, развитых и нетерпимых католиков (значит, по факту или по духу – поляков) и тем, что единственный на всю округу русский граф – человек здесь случайный, бездеятельный. Граф Турчанинов имеет в жизни одну страсть – оранжерею. И оранжерея, наполненная диковинными растениями из далёких и чуждых стран, становится здесь метафорой имперской дворянской культуры вообще. Культуры достаточно высокой для того, чтобы безнадежно оторваться от живой окружающей национальной почвы. Достаточно чуждой, чтобы подвергнуться нападению. Достаточно хрупкой, чтобы погибнуть без следа. . .

На своей кровной территории Империя в критический момент оказалась непростительно слаба. Есть что-то очень печальное и даже унижительное для нас в том, что своего императора Россия сдала в местах знаковых: где-то меж Могилёвом и Псковом, на станции. . . Дно.

Могло ли случиться что-то ещё в конце третьего года тяжелейшей войны, если за немного лет до того белорусский деятель Норкевич, *“являясь бывшим студентом столичного российского университета, вернувшись домой. . . обнаружил, что в тех образованных кругах, где ему неизбежно теперь придётся возвращаться, царит хоть и необъявленное, но полное польское владычество. . . что многие царские чиновники считали правильным быть в хороших отношениях с польским обществом и по возможности ему не перечить”*?

Польская политика в Белоруссии была принципиально иной: явственно отдавая расизмом, она всегда была (и, если что, будет) настырной и злобной. Не имея полной государственности, поляки научились, пишет Попов, *“сидя под тёплой полкой царской шинели, культивировать мастерство политических игр и предательств”*.

Кажется, что именно вакуум “русскости”, отсутствие настоящего имперского давления в Малороссии, Белоруссии, Прибалтике и Финляндии, отсутствие политической хватки у русской метрополии (по германскому, польскому или шведскому образцу) не только позволило, но и побудило местные народности к заполнению этой пустоты посредством своего роста под той же самой “шинелью” вечно извиняющейся имперской администрации.

Основное место действия романа – деревня Порхневичи, селение Тройной хутор и другие, имение Турчаниновых Дворец, ближайший городок – Волковыск. Мы наблюдаем в основном сельскую белорусскую жизнь – до Великой войны, во время неё и последовавшей революции в Петербурге, во время перемены властей и “польского ренессанса” при “начальнике государства” Пилсудском. . . Имение Дворец сожжено, граф и половина его безобидной семьи перебиты. Восстанавливается польский сугубо буржуазный порядок, при котором православная церквушка окончательно заколочена, носы шляхты направлены вверх туземных голов, а реальная власть в деревушке и окрестностях принадлежит коренному местному хозяину – потомственному мироеду, белорусу с претензией на шляхетство.

История трёх поколений старой трудовой и богатеющей семьи местного “владыки” дана Михаилом Поповым очень широко и ярко. Повествование его достигает шолоховского размаха, и даже авторский голос в большом романе – спокойный и ровный, словно мы находимся посреди эпического разлива, достигшего максимума, а потому застывающего в созерцательном равновесии. Видно, что автор крепко “в материале”, которым широко делится с читателем.

Две трети романа “На кресах восточных” посвящены событиям Великой Отечественной. И “после Муравьёва”, наводившего порядок в западных губерниях по итогам польского восстания 1863 года, и после событий 1914–1920 годов Беларусь снова становится одной из арен большой истории. Деревня Порхневичи сожжена, и её жители – словно род или племя много веков назад – во главе со своим вождём Витольдом Порхневичем оказываются всё в той же тысячелетней Пуще, которая может спасти, а может и погубить.

Но кроме выживания в условиях почти диких, кроме крайней нужды, перед “племенем” или табором стоит задача ещё выжить в эпицентре столкновения исторических сил: *“Все ощущали себя оказавшимися меж двумя жерновами одинаковой жёсткости. Надо выбираться наружу из этой конструкции – внутри, как ни пригибайся, не выживешь”*.

Но выбираться некуда. Витольду Порхневичу, его сыновьям, братьям, племянникам, всем односельчанам, ставшим семьёй-табором, приходится волей-неволей брать на себя задачи партизанского отряда.

Не зря, наверное, белорусов иногда называют партизанским отрядом в центре Европы. Может быть, таким же отрядом можно назвать и сербов. Почему в обоих случаях это славяне? Вот вопрос, который навечно поставлен перед Москвой...

Михаил Попов пишет свою большую историю подчёркнуто сдержанным языком. По всему тексту читатель найдёт множество больших и малых житейских мудростей в точных наблюдениях. Но вот экспрессия, артикуляция, даже, может быть, и динамика этого в общем-то приключенческого романа оставлена автором на втором месте. Несмотря на детективные приёмы построения сюжета, на хорошую долю мелодрамы в нём. Несмотря на материал, который позволял бы “заострить”, “подогреть” повествование. Попов не захотел этого делать, видимо, желая оставить читателю свободное место для восприятия общей идеи. Кажется, лишь раз Михаил Попов даёт волю сердечному порыву – в сцене расстрела гитлеровцами группы еврейских женщин и детей со стариком во главе. Наблюдавшая происходящее из безопасного укрытия девочка в безумном порыве выходит и бежит к построенным в шеренгу своим:

“...Оглянувшийся солдат что-то шепнул офицеру, тот, шурясь, обернулся.

Сара уже была в нескольких всего шагах от шеренги. Не выбирая, она вцепилась в подол средних лет женщины в разодранной, заправленной в чёрную юбку рубашке, с растрёпанными, буйно торчащими в разные стороны волосами и абсолютно безумным лицом.

– Мама! – раздался крик...

Сара обхватила женщину за талию и уткнулась лицом ей в плоскую грудь.

– Мама.

Седой старик что-то прокаркал по-своему. Женщина поняла и стала отталкивать от себя руки Сары и что-то кричать ей. Понять было нетрудно, что. Уходи! Уходи!!!

Немцы с интересом и как бы даже иронически поглядывали на эту сцену, не предпринимая пока никаких действий.

– Мама! – снова налетала девочка с растопыренными руками на женщину, после того как была отброшена.

Женщина била её по щекам и отпихивала, отпихивала.

Офицер отдал команду.

Сара вцепилась в женщину...

Долго, секунд десять наверно, было тихо, потом раздалось:

– Фойе!

Залп”.

И именно проникновенность этой сцены оттеняет, повторяюсь, общую авторскую сдержанность. Не холодность, не равнодушие, нет – это именно сдержанность мудрого наблюдателя, который оставляет читателю свободу вообразить и проникнуться самому. Отсюда же и относительное изобразительное спокойствие. Попов занят большим полотном и потому лишь нечасто позволяет себе мазки, подобные этому: *“Касперович дремал, отворив рот, щёки его алели так, словно ему снился стыдный сон”*.

“На кресах всходних” даёт ещё много простора для дальнейших размышлений и демонстраций. Но уважая нашу современную любовь к краткости всякого сообщения, добавлю только следующее. И эрос, и танатос в романе стремительны и стихийны, они напоминают собой шопенгауэровскую Волю, как ветер летящую над пущами и страной. Любовь здесь менее отчётлива и менее окончательна, чем смерть, ибо в конце войны весь партизанский отряд Порхневичей, а значит, и вся деревня Порхневичи, гибнет – как племя вместе со своим белорусским вождём...

Легко было бы продемонстрировать и в ткани большого произведения, и в его разворачивающемся в бесконечность идейном поле ещё многие значительные и красивые, смешные и фатальные повороты – от хитросплетенной интриги-судьбы до точных человеческих образов героев. Материал Попова соответствует теме – истории. Эрос и танатос – это, конечно, и силы, и константы. И всё-таки содержание жизни итожит борьба, в данном случае – всеобщая борьба национальных субъектов, в их, конечно, политическом облачении, обычно соответствующем военной форме. Немцы, поляки, белорусы, евреи, русские – все они имеют красную кровь, хотя замыслы их и разного цвета. . .

И может быть, главное чувство, которое теплится в “подложке” произведения, – авторская грусть, которой нет исхода, поскольку это грусть по “третьей правде” для Беларуси.

По окончании истории – будь это кино – оператор должен был бы поднять камеру в самое небо, чтобы пустить её над Белоруссией, скажем, на квадрокоптере. С высоты птичьего полёта хотелось бы напоследок глянуть на эту землю, на эту страну.

Я назвал Михаила Попова своевременным (значит, и современным?) писателем, потому что в итоге его романа становится понятно, почему этот народ один не изменил своего советского флага, один сохранил и развил советскую индустрию, один не делает фетиша из языка. Один умеет ценить то, что дало ему русско-белорусское братство.

Р. С.: Когда этот номер готовился к печати, из Самары пришла горестная весть о смерти поэта Максима Ершова. Он умер в расцвете творческих сил, когда в свет у него вышла четвёртая книга стихов, о которой он мечтал, когда его статьи о литературе заслуженно привлекли внимание читателей и писателей России, когда он встал в первые ряды нашей литературной жизни как талантливый публицист. А я с радостью вспоминал, что Максим был одним из лучших студентов-заочников Литинститута и обучался в моём семинаре. Вспоминал я и о том, что редакция журнала не раз помогала ему в трудных обстоятельствах его жизни в Сызрани.

Сколько замечательных русских писателей и авторов журнала мы потеряли в это страшное вирусное время! Александра Казинцева, Валентина Курбатова, Ларису Васильеву, Валентина Осипова, Даля Орлова, Геннадия Хомутова... А теперь вот и Максима Ершова.

Вечная им всем память.

Ст. Куняев